

— Ваше Высочество, на улице холодно. Вы уже почти полчаса гуляете — давайте вернёмся, — тихо попросил Фу Гуй, поправляя воротник.

Ли Чжао, укутанный в алый лисий плащ, неторопливо бродил под прохладным лунным светом:

— Фу Гуй, слышал ли ты мудрое изречение? «Пройдись после еды — доживёшь до девяноста девяти».

Он поднял глаза к полной луне и почувствовал лёгкую грусть. В прошлой жизни у него не было ни отца, ни матери, но были несколько близких друзей. Интересно, как они восприняли весть о его «смерти»?

— Ваше Высочество... — Фу Гуй помедлил, потом всё же пробормотал: — Если бы это средство так действовало, вы раньше после обеда сразу ложились в гамак... Неужели вы только что сами это придумали?

— Эй! — Ли Чжао нарочито нахмурился, хотя в глазах плясали весёлые искорки. — Ты теперь смеешь сомневаться в словах своего господина?

— Простите, Ваше Высочество! Просто боюсь, как бы вы не простудились.

— Ладно, пойдём в павильон Тин Сун. Такая прекрасная луна — а не сварить вина у жаровни? Это было бы преступлением против самой поэзии!

Он засунул руки в рукава и собрался идти, но вдруг остановился и обернулся:

— Кстати, Мин Чжэнь устроили как следует?

— Конечно, Ваше Высочество! Всё сделано по вашему распоряжению. Западный павильон оставлен без изменений: благовония — те самые, сосновые, которые любит Мин-господин; одежда — новая, сшита в прошлом месяце. Уверен, вам понравится!

— Что значит «мне понравится»? — уши Ли Чжао слегка покраснели. Он кашлянул. — Главное, чтобы Мин Чжэнь чувствовал себя во дворце как дома.

(Хотя... он действительно немного мечтал одеть Мин Чжэня в особенно изящные наряды.)

В это время в западном крыле дворца Байлу мягкий свет свечей освещал комнату. Слышалось лишь тихое шуршание перелистываемых страниц. Мин Чжэнь сидел на мягком ложе, держа в

руках свиток, но взгляд то и дело устремлялся в сторону главного павильона.

Фэн Юань, заметив, что его господин читает вдвое медленнее обычного, не выдержал:

— Господин, вы волнуетесь за Его Высочество? Может, схожу узнать, что там происходит?

Мин Чжэнь чуть опустил ресницы:

— Иди. Но веди себя естественно — не выказывай тревоги.

— Слушаюсь.

Вскоре Фэн Юань вернулся:

— Господин, в главном павильоне сказали, что Его Высочество отправился в Тин Сун — собирается варить вино у жаровни.

Пальцы Мин Чжэня замерли на свитке. Он аккуратно отложил его в сторону, встал и направился к выходу. В уголках бровей мелькнула едва уловимая досада.

— Господин, подождите! Плащ! Вы ещё не надели плащ! — Фэн Юань поспешил за ним с одеждой.

Мин Чжэнь остановился, не оборачиваясь:

— Возьми серебристо-серый.

— Хорошо!

В павильоне Тин Сун Ли Чжао лежал в гамаке, держа в руке бокал тёплого фруктового вина. Треск дров в жаровне и полная луна над головой вызвали меланхолию: «Глядя на луну, скорбишь о прошлом... Древние не лгали. Только теперь я сам стал „древним“».

В этот момент сквозь лунный свет к нему медленно приближалась знакомая фигура. Когда тот подошёл ближе, глаза Ли Чжао невольно озарились улыбкой. Мин Чжэнь был в длинной тунике цвета весенней воды, поверх — серебристо-серый плащ, по краю воротника — тонкая полоска белоснежного шёлка. Вся его фигура напоминала свежую зелень, пробивающуюся сквозь зимнюю стужу: прохладную, чистую и живую.

«Мой вкус, как всегда, безупречен», — мысленно одобрил Ли Чжао.

— Варить вино у жаровни под луной — занятие для души. Но как можно наслаждаться таким удовольствием в одиночестве, Руй-вань? — Мин Чжэнь остановился перед ним, внимательно оглядев лицо друга. Убедившись, что тот в порядке, и уловив в воздухе сладковатый аромат вина, он чуть расслабил напряжённые губы и сел рядом.

Ли Чжао ничего не ответил, лишь налил ему бокал:

— Попробуй. Новое вино из свежих плодов — совсем не крепкое.

Ему было и тепло, и немного грустно. Эти люди, особенно Мин Чжэнь, несмотря на все заверения в том, что он давно здоров, продолжали относиться к нему с чрезмерной заботой. Больно... но приятно.

Мин Чжэнь сделал глоток. Вино было мягким и сладким.

— Почему вдруг захотел пить такое сладкое вино? Из-за... Его Величества? — тихо спросил он.

Ли Чжао помолчал, не отрывая взгляда от луны. Наконец, медленно произнёс:

— Я и правда считал его своим отцом. Но после появления небесного экрана... кое-что изменилось. Я понимаю: стража у ворот — не тюремщики, а защитники. И понимаю его дилемму. Императорское искусство — в равновесии. А небесный экран... перевернул всю доску.

Мин Чжэнь провёл пальцем по краю бокала:

— А Чжао, «сын — сыном, отец — отцом, государь — государем, подданный — подданным» — таков порядок с древних времён. Его Величество — и государь, и отец. Этот внутренний конфликт — не твоя вина. Не стоит слишком переживать. Просто поступай так, как считаешь правильным. Следуй своему сердцу.

— Даже если это сердце причинит вред интересам других? — Ли Чжао почти предчувствовал бури, которые его будущие действия могут вызвать. Взирая на этот мир глазами человека из будущего, он видел в нём больного, изъеденного недугами.

Голос Мин Чжэня оставался тихим, но твёрдым:

— Если твоё «сердце» — это прозрение, способное видеть болезни времени, и милосердие, стремящееся спасти Поднебесную, тогда даже временный ущерб для немногих — это не зло, а лекарство. Чтобы исцелить гниль, нужно вырезать её до корня.

Он посмотрел на Ли Чжао, и его взгляд был чист, как родник под луной:

— Я верю не в славу «императора тысячелетия». Я верю в твоё первоначальное намерение, Ли Чжао. То, что ты видишь как порок, — именно то, что требует решительного лечения. Раз уж увидел — не лечить было бы настоящим предательством долга.

Он опустил глаза на руки друга и мысленно добавил: «Каким бы ни был путь впереди — я пойду с тобой. Пусть история судит нас вместе».

Под лёгким опьянением вина Ли Чжао смотрел на Мин Чжэнь и с восхищением думал: «Иногда мне кажется, что ты не принадлежишь этому времени. Ты — из далёкого будущего». Его лучший друг мыслил так прогрессивно, что казался настоящим «внешним модулем»!

— А? — Мин Чжэнь недоумённо моргнул, щёки его слегка порозовели — он явно не успел за этим скачком мысли.

Увидев его редкую растерянность, Ли Чжао рассмеялся:

— Ха-ха! Ничего, давай пить!

Но слова не успели сойти с губ, как Мин Чжэнь тихо «бухнул» лбом на стол — просто отключился.

Ли Чжао сначала опешил, потом усмехнулся. Он знал, что Мин Чжэнь «вырубается» от одного бокала, но не ожидал, что даже такое мягкое вино его подкосит. Завтра обязательно посмеётся над ним! Хотя... как же тогда объяснить ту ясность мысли и глубину суждений, что он проявил минуту назад? Странно...

— Фэн Юань, отведите вашего господина. Фу Гуй, помоги.

Он мечтал провести с Мин Чжэнем всю ночь за вином и беседой... Видимо, в следующий раз придётся варить не вино, а чай!

Когда лёгкое опьянение прошло, дни во дворце Руй-ваня потекли в кажущемся спокойствии...

Полмесяца пролетели незаметно.

Однажды утром, во время очередного утреннего совета, — ****БАХ!****

Знакомый грохот вновь разорвал утреннюю тишину столицы!

Прошло уже полмесяца с тех пор, как в последний раз появился «небесный экран» — так называло это явление Астрономическое ведомство. За это время императорский двор приложил огромные усилия, чтобы успокоить народ и подавить попытки использовать «экран» для создания сект. Впрочем, большинство простых людей не особенно тревожились: будущее, о котором говорилось на экране, казалось им слишком далёким. Главное — сегодняшний хлеб.

Кроме того, было установлено, что экран виден по всей империи Дашэн, но только тем, чьи сердца обращены к Дашэн. Благодаря этому удалось выявить и устранить множество иностранных шпионов, и весь последний месяц императорский двор был полностью поглощён этим делом.

Теперь же этот грохот вновь заставил сановников в зале Фэнтянь переглянуться. В глазах читались страх, тревога и даже любопытство. Все понимали: экран снова вмешается в хрупкое равновесие, едва восстановленное после прошлого раза.

Что происходило в душе сановников, Ли Чжао, находившийся под домашним арестом, не знал. Последние дни он проводил в полном расслаблении — как в отпуске: не надо рано вставать, не надо выслушивать нравоучения министров. Жизнь — одно удовольствие.

Мин Чжэнь, пришедший навестить его в тот день, тоже оказался «заперт» во дворце. Общение с таким другом делало дни куда интереснее обычного, хотя Ли Чжао и чувствовал лёгкую вину перед правым канцлером.

Когда раздался знакомый грохот, они с Мин Чжэнем переглянулись — и в глазах обоих мелькнуло понимание: отпуск, похоже, закончился.

И точно: командир стражи у ворот доложил:

— Ваше Высочество, Его Величество повелел немедленно доставить вас во дворец.

Ли Чжао молча кивнул. Рано или поздно это должно было случиться.

— Пань Ин уже распространил информацию по плану. Я поеду с тобой и буду ждать у ворот дворца, — тут же заявил Мин Чжэнь, и в его голосе не было места возражениям.

— Ха-ха! — Ли Чжао нарочито поддел его, пытаясь разрядить обстановку. — Мин Чжэнь, ты что, волнуешься за меня? Не переживай! Кто я такой? Будущий император тысячелетия, Святой Основатель Дашэн!

— Хм, — Мин Чжэнь бросил на него холодный взгляд. — Ты ведь сам знаешь: это — **будущее**.

— Верно, — улыбнулся Ли Чжао и, сделав жест из прошлой жизни, пригласил: — Мин-господин, прошу.

У ворот уже ждала карета. Выходя из дворца впервые за полмесяца, Ли Чжао прикрыл ладонью глаза от солнца и, глядя сквозь пальцы на небо, тихо сказал:

— Всё же на воле небо шире. Дворец хорош, но полмесяца в четырёх стенах — и начинаешь лосниться от скуки.

Они сели в карету напротив друг друга. Внутри уже стояли любимые чай и лакомства Ли Чжао. Он взял одну конфету — и в сердце потеплело.

Когда карета выехала на императорскую дорогу, внезапно раздался свист стрел!

Реакция Мин Чжэня была молниеносной: он рванул Ли Чжао с сиденья. Почти одновременно снаружи раздался крик: «Защищайте Его Высочество!» — и звон стали.

Мин Чжэнь выхватил меч из тайника в стенке кареты и, обернувшись к Ли Чжао, произнёс с необычной резкостью:

— Оставайтесь здесь. Ни в коем случае не выходите!

Ли Чжао, оглушённый рывком, только сейчас до конца осознал ситуацию. «Ну надо же! Я теперь настолько важная персона, что меня уже пытаются убить!»

Он прекрасно понимал: цель нападения — он сам. Но он был типичным «бойцом пятого уровня»: в детстве — слабое здоровье, не мог заниматься боевыми искусствами; повзрослев — упустил время. Осталось лишь пару эффектных, но бесполезных движений. Сейчас он — живая мишень: высунется — и готово.

А вот Мин Чжэнь — совсем другое дело. Идеальный аристократ: все «шесть искусств благородного мужа» знает в совершенстве, а в бою — один из лучших. Настоящий «чужой ребёнок».

Осторожно приподняв занавеску, Ли Чжао увидел: нападавших около пятидесяти, все в чёрном, с повязками на лицах. Выглядят внушительно, но техника — не элитная. Сторона защиты: двадцать стражников и один Мин Чжэнь — вполне сбалансировано.

Мин Чжэнь крутил мечом, и клинок его, словно шёлковая лента, резал воздух. Даже в этой смертельной схватке его движения напоминали танец под луной — полный спокойной уверенности. Ли Чжао немного успокоился. Хотя иногда по одному-двум удавалось прорваться к карете, их быстро отбрасывали обратно.

И тут в бой внезапно вмешалась ещё одна группа — одеты по-разному, но целились чётко: прямо в чёрных. В считанные минуты нападение было подавлено, и все убийцы оказались связаны.

<http://bllate.org/book/17167/1606271>